

Данелие Георгий

30.08.2000

свободное ПРОСТранство

РОСТ

24 – 30 августа 2000 года ОБЩАЯ ГАЗЕТА № 34 (368)

16

С ЧЕГО-ТО полагается начать.

Я начну с цитаты из фильма. По улицам маленького черепичного городка едет автомобиль, представляющий собой нечто среднее между титаном для кипчечения и маленькой машиной на бок, колесной (четырех) прыжкой и яйцом Фаберже. Он дышит, как Дума, и подпрыгивает на бульжной мостовой. За рулем несчастливые люди, ряженые под рожицами, в белые греческие с погонами. На подножке стоит интеллигентного вида человек в пенсне и что-то говорит, но из-за грохота мотора не слышно.

Кабриолет останавливается у душины.

– Господа, – обращается к водителю, скажем, адвокат. – Не хотите ли выпить по стакану легкого игристого вина?

– Мы за рулем, – с вызовом отвечают гостя.

– Минутку, – просит интеллигент, которому хочется выпить стакан легкого игристого вина, но у которого, по видимому, нет на это средств (иначе зачем бы он приглашал малознакомых владельцев автомобиля – с друзьями выпил), и скрывается в подвалчике.

Через нескользкую скунду, недостаточную не только для того, чтобы опрокинуть стаканчик, но и для налива в него, он выходит с решимостью.

– Хам... Невоспитанный хам.

Изящно и без нажима персонаж заывает в мою душу тему, над которой я не задумывалась. Хам есть невоспитанный и воспитанный. Воспитанный может означать, что сначала он не был хамом, но из него вырастали, и еще: что хам образован, хороших кровей и занимает положение в обществе.

Но эпизод уже прошел, он-то занимал в фильме Георгия Данелии «Не горой!» 20 секунд. И вообще сцена не обязательная. Так, между прочим.

– Нет! Не так! Дай я скажу. Я точнее помню...

Это тоже читата, правда, не из кино, а из спора с Георгием Николаевичем. Я действительно точнее его помню мой са-мый любимый фильм.

Лет десять назад во время испытаний глубоководных обитаемых аппаратов «Мир» на научном судне «Кельдыш» мне посчастливилось посмотреть «Не горой!» тридцать раз. Не я его смотрел. В экспедиции разговаривали репликами героя и пели «Однажды русский генерал вдруг по Кавказу проезжал» всякий раздражник.

– Софиоко, не волнуйся, такова жизнь: твой муж Бенджамена убил...

Очаровательная Софиоко Чиаурели смотрит на соседку, которая в подтверждение своего сообщения обращается к мужу-охотнику, участвовавшему в кутеже.

– Ванечка, убил Лука Бенджамена?

Ванечка, не отрываясь от малого, но важного дела (сколько вина выпили), совершила без интонации, как бы олимпийским словом говорит:

– Убили... убили...

А феноменальная сцена репетиции поминок, где великий Серго Закариадзе поднялся до высокого трагизма!

– Там грабы принесли. Черный и красный. Тебе какой?

И плачет, и танцует, и погот, и сердце свое скимается от счастья, и на глазах слезы, и улыбка на устах... Пожить бы с ними, в этой компании, в этой стране. Но нет. Не было такой Грузии, как в «Не горой!», не было такой Москвы, как в «Я шагаю...», не было такой Америки, как в «Совсем пропащем». Разве что будущее у нас, как в «Кин-дза-дза», но и это мы не проживем.

Сказочник. Ну да. Он нам противяется руку и говорит голосом независимого Фрунзика Мкртчяна:

– Хочешь конфетку?..

И мы, как Буба Кикабидзе, выросли в его фильмах в прекрасного актера, доверчиво улыбаемся.

– Конечно!

– Нет.

Нету, но есть. В фильмах Данелии есть презумпция доброты. Он цепляется за своих героев, как за спасительную соломинку, и удивительно, что она выдерживает. И мы цепляемся и висим грызнями, по многу раз просматривая его фильмы. Он учит видеть обаяние жизни. Его фильмах нет ни одного положительного героя, но все не безнадежны.

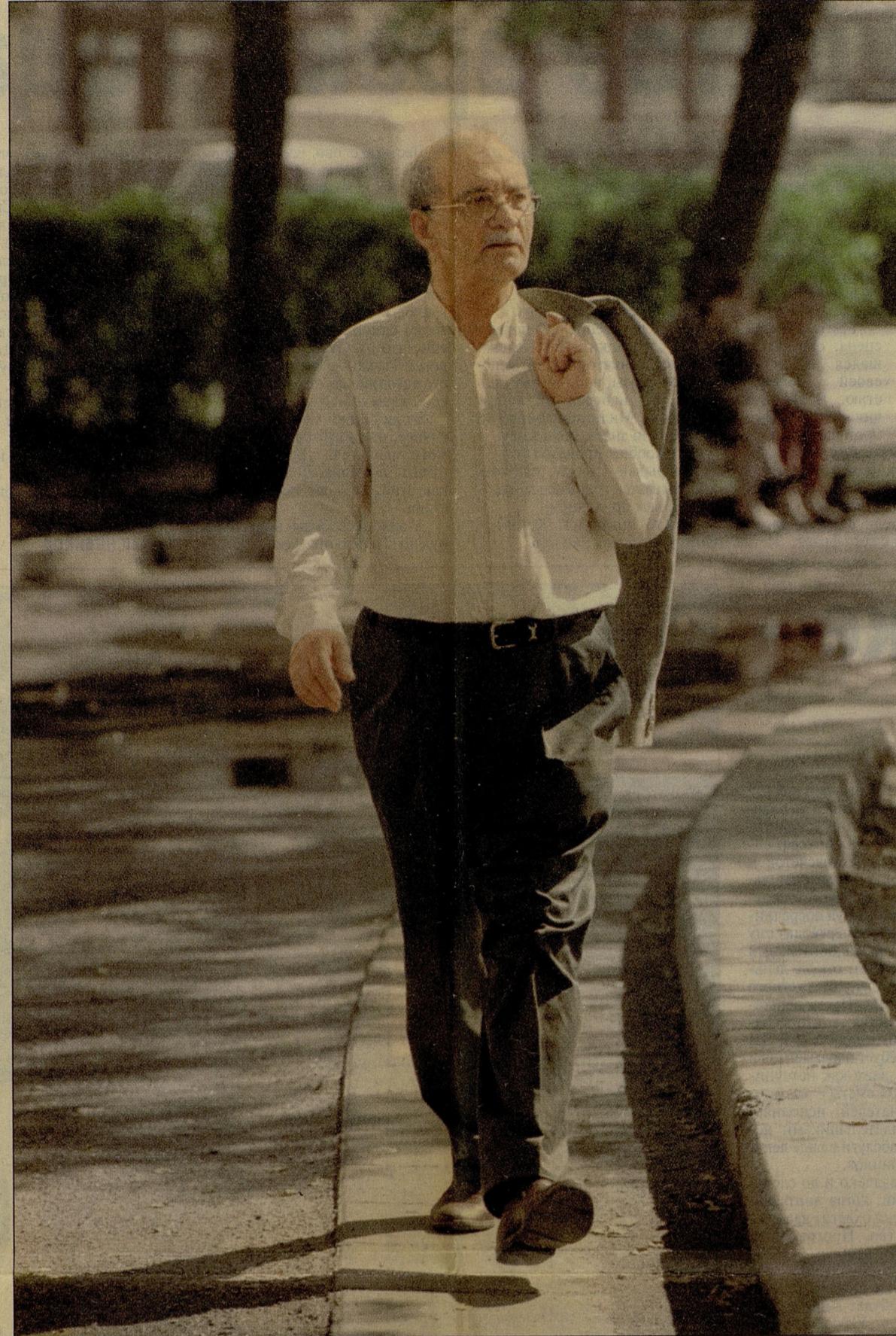
Из чего он их складывает?

Я представляю, как они с другим не вероятным сказочником Резо Габриадзе придумывали жизни героям «Не горой!», «Мимино», «Кин-дза-дза», и сожалею, что в ту пору не было с ними так дружек, как теперь, когда они разошлись и фантазируют поэтически.

Данелия не похож на своих героях. Он тих и замкнут. Уединение, собственный выбор. Одиночество – выбор обстоятельств. Он большей частью сидит дома, читает книги, сочиняет музыку и придумывает сюжеты для сценаристов, которые с легкостью сам же опровергает. Тем не менее во многих поступках можно узрать чистоту поведения Георгия Николаевича.

Софиоко отправляется Бенджамену и своему мужу Луку свидаться к красавице А. Вертинской, они выходят на мост, и тут Бенджамен предлагает пойти в души перед важным шагом. Деверь отказывается.

– Нет! – говорит Бенджамен. – Пить не будем! Просто посидим.

ДАНЕЛИЯ, НЕ ГОРЮ!

Он и в 70 шагает по Москве

время свидания передал на волю, чтобы его отправили Фелини и Тонино Гуэрре.

Те, получив подарок, не стали спорить, кому он принадлежит, а сходили к ковелери, который отлил по Сережиной крьшке три серебряные медали. Одну Фелини очень нравился фильм, в любви к которому я уже признавалась, – «Не горой!», и это свидетельствует о неизменном вкусе младшего.

А вот Сергей Параджанов этот фильм недолюбливал, что, разумеется, не говорил о его скверном вкусе. Но тут был вкус замечательный, но иной. Он любил другую картину Данелии – «Совсем пропащий». Сказку про Америку и Гека Финна, снятую тонко, без фальши, смешную и грустную, с великолепными Леоновыми и Кикабидзе.

Когда Параджанов посыпал в тюрьму за несоставимость с советским образом жизни, он продолжал там творить. Материя для его феноменальных колажей было мало. Не было вовсе. Фильмы ему и на свободе не давали снимать, ибо то что в заточении, а молоко, как человеку нездоровому и за которого вступила весь культурный мир, все-таки полагалось. Крышки из серебристой фольги он прятал и аллюминиевой ложкой выдавливали на них линии красоты рельефы. Один из таких рельефов он во

вым с Евгением Стебловым), о «Сереже» с Сергеем Бондарчуком, которого Данелия любил, уважал его необыкновенный дар и не изменял их дружбе. «Слезы капали, мы не упоминали. Прервал перечень, а то он превращается в премьера, который в величии форме напоминает читателя о фильмах, которые он помнит и без меня.

– Разрешите посоветоваться с семьей, – говорит Траккин, которого играет Леонов в фильме «Грицац три», сопровождающимся в «Чайке» перед отлетом героя, с лишился зубов во рту, в иные миры. И, получив от жены кальсонами по морде, говорит, как только может сказать Леонов в фильме Данелии.

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все это, в общем, удачно.

Там, в «Грицацах трех», есть кадры, когда семья Траккин на телевизору слушает за улемом скромного специалиста по безалкогольным напиткам в бессмертии. На полу перед экраном сидят два малыши. Один из них Коля – любимый сын Данелии.

После смерти Коли он перестал выивать вообчи. Замкнулся. Ему было невероятно трудно работать. Он хотел сделать одну серию, но приходил в себя

В тяжело что снятой «Фортуне» близко к финалу в ресторане, где Кикабидзе (Фома) выывает с Ильиной (Гариком), за соседним столом сидят девушки. Одна из них хорошенькая, круглоголовая – Алена, другая Коля. Виника Данелии.

...Мы с Чистым трудом выезжаем на Новый Арбат и дальше по Кутузовскому проспекту до Рязановы. Перед Кунцевским складом покупаем цветы. У нас есть котом там наставствия. Сначала к родителям Николаевича – папе Николаю Дмитриевичу Гердту – известному строителю московского метро, и маме – тете Эри, как звали ее Гинье друзья, родной сестре Веронике Анджелиадзе. Потом к Коле. Он был очень талантливым художником и поэтом. Возвращаясь, мы заходим к нашему близкому другу Сереже Курппе-ву – одному из самых преданных друзей людей, которых я знал в своей жизни, к Зиновию Гердту, Андрию Пральникову... Все рядом. Коля был молоке всех. Не помню откуда он был трагического ухода. И Гия не помнит. Знаю, что на дворе была «Кин-дза-дза».

После смерти Коли он перестал выивать вообчи. Замкнулся. Ему было невероятно трудно работать. Он хотел сделать одну серию, но приходил в себя

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.

Все это удачно... До одного дня все

– Семьи согласна!

Читатель согласен – не надо пересказывать фильмографию Георгия Николаевича, его награды и премии.